

ВРЕМЯ

* * *

Геннадия Капанову

Есть времени карающее зло.
Не умолай — его не остановишь.
И так всегда. Вот нынче повезло —
Горит ночей бессонное становье,
Застольная горячность работы...
Постой мгновенье, дай в тебе пожить...
Как таинство звучания, на ноты
Хочу в зрачок весь мир переложить.
Во мне живёт всегда одна тревога:
В ночи набатно тикают часы,
Простые, с гирькой, пыльные немного,
Как яростно они тревожат сны.
Как будто знают: есть конец дороги,
Жизнь догорит под тяжестью земной,
И, словно судьбы, встанут на пороге
Все строчки, не написанные мной.

* * *

Я в музыке осеннего листа.
Я отрешён от темноты и света.
И, кажется, как будто у виска
Вращаются незримые планеты.
Стоят деревья чёрные в дожде,
В траву устало ссеивая капли,
Как будто в смутной тягостной вражде
Собрались в стаю сумрачные цапли.
И веет чем-то перевозданно древним,
И не стучат привычно топоры...
Предельно обнажённые деревья.
Предельно обнажённые миры.

Светлым-светло в моей душе сейчас,
Какая-то хрустальная прозрачность,
И всё, о чём я думал: «Вот невзрачность
Сейчас восходит, колдовски лучась...».
Я, невесомый, из дому уйду
Коричневою ёлочкой паркета
И буду слушать, спрятавшись от ветра:
Ночной карась шевелится в пруду.
И огонёк-лунатик пробежит
Рябым прудом, измученный бессонницей,
За горизонт скользнув, звезда уронится,
И ветер успокоиться решит.
И за терпенье будет мне дано
Увидеть, как рассвету наземь литься,
Парящей в синем небе свежей птицы
Услышать музыкальное крыло,
Увидеть солнца вдохновенный труд,
Когда оно встаёт в счастливой муке,
И странно удивительные звуки,
Как будто корни, в небе прорастут.

* * *

Глядишь в меня, как смотрят в водоём —
Тебе забавна эта процедура, —
И древен, как шумерская культура,
Я в представлении нынешнем твоём.
Ты видишь стрелы в кожаном колчане,
Распознаёшь гортанный дикий клич,
Как письменность, пытаешься постичь
Моё непостижимое молчанье.

А я и впрямь в веках. Ты не поймёшь,
Что заново, впервые изобрёл я.
Слова во мне, как в узкой речке брёвна, —
И никуда ты их не протолкнёшь.
Тяну я к ветру жаркое лицо,
Во мне трепещут молнии прозрений,
И я молчу, как безымянный гений,
Что изобрёл когда-то колесо...

* * *

Витийствуют заснеженные сны,
Ночные ёлки — добрые медведи,
Что может сниться — просека, соседи
Иль лунная конструкция сосны?
Ребёнок спит — веков не различить:
В пинг-понг играют русые поляне,
И смотрят скифы в очи Модильяни,
И в телевизор смотрят кривичи...
А ночь летит. Сверкучая звезда
Дрожит на льдинах, будто бы на нарах,
И где-то в синеве у Нарьян-Мара
Стучат в снегах ночные поезда.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ ПРИ СВЕЧЕ

Привидится ж порой такая жуть:
X век. Скучающая плаха.
И вдруг — ржаной, заполюхавший путь
И алая, как зарево, рубаха.
Страх и закон сейчас на кой мне ляд —
Кистень да косы, вздыбленные колья...
Как зычно, восклицательно стоят
Кровавого набата колокольни.
Держ-жись, бояре...Ну, поддай огня —
Славянское роскошно послушанье!
И антрацитно блещет круп коня,
И чёрный пепел покрывает ржанье.
Горят долги, реестры и мытарства,
Усадьбы, солеварни и цари...
А вышел яр-костёр из государства,
Попробуй кто такое запали!
...Мне жарко. И со стремени к волне —
Как будто в зыбь охапкой брошу маки —
Я наклоню счастливый цвет рубахи.
Мне счастливо. О как счастливо мне!
Но может и замечу я не очень
В разгар огня, когда светлым-светло,

Отчаянные, жертвенные очи
И мудрое крестьянское чело.
А уж покуда...

Явь приходит, медля.
Ни звона кос, ни отблесков огня,
Но, всё ещё тепло моё храня,
Сползает рубище багрово, медно
С пришпоренного мыльного коня!..

УТРЕННЯЯ ПИХТА

На излёте ночь сырая.
Размывает ветер сумрак.
Звуки леса умирают,
Словно голос Имы Сумак.
Встанет лес светло и немо.
Канет ночь в траве понурой.
Утром взмоют пихты в небо,
Как ракеты с Байконура.
Сгусток скорости и света,
Пихта — сгусток напряженья.
И летит за ней планета
Неотрывною ступенью.
И летит сквозь сны, сквозь лето
В зыбком мареве зелёном
Пихта, мудрая ракета,
Начинённая озоном.

* * *

Лежит, как бездыханная, река,
полднего покоя не поправ.
И удивлённо смотрят облака
в зелёное оцепененье трав.
Ни птицы и ни скрипа колеса —
и грезятся деревьям тихим сны,
молчат, молчат глубокие леса —
хранилища теней и тишины.
Всё вышло из одежд, домов, квартир.
В раздумчивости голову склоня,
я слушаю притихший этот мир,
и слышит мир — притихшего меня.

ПРОСТЫЕ МЫСЛИ

Мне ни слов, ни клятв не надо.
Мне нужнее всяких слов

Откровенность снегопада
И нелживость облаков.
Сквозь уколы диких терний
(Как бы ни были страшны!)
Мне пробиться б в подмастерья
У звезды, у тишины.
Заколдован, заморочен
Звонкой песней вдалеке –
Мне б забыться тихой ночью
У планеты на щеке.
Ни рублями и ни саном
Не кичиться – честно жить,
А потом об этом самом
Песню честную сложить.

НОЧЬ

Вечерний мрак в ночную мглу спрессован.
Мой факел одиночества – гори!
И, словно электрические совы,
Горят задумчивые фонари.
Где берег твой и где твоя граница?
Приди ко мне – я знаю наперёд,
Что ничего не сможет мне присниться,
Но что-то всё равно произойдёт.
Дай прочитать в кружении планетном
Все за семью печатями слова.
И пусть на грудь измученным поэтам
Твоя приникнет, полночь, голова.
Уходишь. Слышу – лестницей сбегала,
На мостовых касаешься торцов...
А ты была единственной державой
Творцов.

ОСЕННЕЕ НАШЕСТВИЕ

По дубравам и озимям,
Высока и горда,
Мчится яростной осени
Золотая Орда.
В том нашествии дымном
Гривы шалый полёт,
Что гортанные гимны
Над землёй пронесёт.
Взмечет крылья пожарищ
От славянских лесов
До самих обиталищ
Молний, звёзд и богов.

И, качнувшись картинно,
Да с камчою в руке,
Гроздь кровавой рябины
Приторочит к луке.
А потом постепенно
Осень стянет узду.
...Снега белая пена –
С крупа и в борозду.

* * *

Лес октябрём очерчен.
Подробен. Как храм, велик.
Только сурьмой и чернью
Его обозначен лик.
Древней ушастой амфорой
Летучая мышь висит,
И вскользь дороги торной –
Бикфордовый цирк лисиц.
В этой звенящей замяти
В вечность струится стезя.
И станет вдруг так беспамятно –
Запомнить нельзя.

ЕЖЕВИЧНАЯ ПАМЯТЬ ЛЕТА...

Лето, верно, к закату клонится.
Паутина горит в лучах.
Золотые окружая солнца –
Эполетами на плечах.
Над деревней уже проплыли
Птицы к югу. Теперь над ней
Если машут, то машут крыльями
У колодезных журавлей.
И в сенях, не успев пролиться,
Бредя волглым дыханьем пруда,
Скукой цинковую томится
Цилиндрическая вода.
А потом, как всегда и ныне,
Неподкупно-суровый лик –
Осень строчками дождевыми
Лето к смерти приговорит.
И не сыщешь на то запрета.
Но я выплавлю это в стих,
Чтоб свежо ежевичное лето
На губах оставалось моих!

* * *

Как перья с птицы, сбитой над логами,
В туман и сумрак упадут слова.
Они — египетский пергамент,
Их не постичь. Их суть мертва.
Верней — уже мертва. Но странно,
Как перед смертью — в той беде,
Когда безмерное пространство
Спрессовано в одной звезде.
Всё потому, что слово немо,
Оно, умевшее звенеть...

Уже нам не преодолеть
Библейского седьмого неба...

* * *

Перо над плоскостью листа,
Как над лесами древний кочет,
Таит полёта синий почерк,
И даль немислимо чиста.
Но, вздрогнув в отблесках огня,
Вдруг взмоют в трепетном усилии
Ещё не сложенные крылья,
К закату медленно клоня.
И будет их полёт нетленен
И след необратимо крут,
И глухо звуки откровений
Уста прощально разомкнут...

* * *

Вот какая незадача —
Оступаясь и скользя,
Я иду вдоль неудачи —
Пересечь её нельзя.
Чтобы с той тропы мытарства,
Хоть куда-нибудь — да вбок,
Я хитрить на ней пытался
И идти наискосок.
Уж и так я шёл и эдак,
Этот путь шальной кляня —
Только горестям и бедам
Непривычно без меня.
Не браня, не понукая,
Горесть, как дурмана ток,
Деликатная такая,
Всё ведёт под локоток.

Уж на что, а даже бабам
Стало жалко — изнемог...
Хоть какой-нибудь шлагбаум
Полосатым чёртом лёг!
А беда — ну так печётся,
Словно родственники мы...
Ни шлагбаума, ни чёрта
Нету, чёрт его возьми!
Нет так нет —
И я проснулся.
Встал. Водой ополоснулся
И в крошечной темноте
(Сон ушёл, как свет задуло)
Закурил и долго думал
О своём житье-бытье...

* * *

Здесь всё исконно: быт, привычки, время,
И зрима связь, которой не порвать...
Омшаник, как музей, хранящий в чреве
Своём средневековую кровать.
Здесь бродит хмель
в густом крестьянском пиве,
Дымится мясо под кривым ножом
И, как в сеансе иглотерапии,
Безмолвный пруд исколот камышом.
Как долг приняв суровое радушьё,
Вдруг вспомнишь в алых стенах сентября,
Что Судным Днём лежат уже в грядущем
Безинно-суматошные края.
Таможня века! Век! —

дозволь мне, милый,

Хоть контрабандой увезти с собой
Кусочек неба и травы былинной,
И осени, по-скифски золотой...

* * *

И как спалось нам в громобой,
Как удавалось в детстве —
С раскачивающей дом грозой
В таком соседстве!
Да с верой, что минует ад,
Что гром словцо замолвит,
Что просто ночь растит свой сад
Ветвистых молний...

ИЗ ДЕТСТВА

Не пестовал память, не знал, что согдится.
Лелеял ангины в шарфах шерстяных
И детство своё, как щенка или птицу,
я помню в руках, от болезни сырых.

Жилось лопухо, глазасто и русо,
И жадно смотрелось, как выйдешь на плёс,
Как тихие воды, прибитые к руслу,
блестят золотистыми шляпками звёзд.

И поздний заката малиновый жгутик
горит над одышкой загадочных сил,
с которыми чёрный буксир-лилипутик
всю эту громадную ночь протасил.

Не пестовал память. Но как же всё мудро
сумела навеки она отложить,
что жизнь долгожданна, как свежее утро,
а каждое утро, как новая жизнь...

* * *

Туда, где птичий гам,
Где утро несутуло,
К негородским снегам
Сманило, потянуло.
Чтоб разгорался день,
Без суеты-мороки,
Чтоб голубая тень
стекала в след глубокий.
Чтобы окрест реки,
В лесах ледовых просек –
Замшелые пеньки
И замшевые лоси.
Чтоб позабыть напрасные
Дела и волокиты.
И все трамваи красные,
Пожарные какие-то...

* * *

Я в избе сiju осоловело,
Жизни разменяв уже полтину.
Между правым сагогом и левым
Пауки соткали паутину.
Никуда не выхожу из дому,
Да и кто мне нужен за порогом,

Если я по проводу прямому
С вечностью беседую, как с Богом...

* * *

Где пряник – там попозже кнут,
Законы форта.
Строку, где ты солгал, – сотрут
Рубцы инфарктов.

Стереть иудино пятно
Лжи и корысти –
Так то лишь тем рубцам дано
Во имя истин,

Во имя солнца и весны
Бушуйте, травы! –
Мечты во имя, рвущей сны,
Во имя правды...

Так сбейте влёт – к сырой земле,
Когда в зените,
И даже память обо мне
Похороните.

* * *

Опять дожди, как дым из-под стрехи.
Живу среди ярыжек всех мастей,
Среди разбушевавшихся стихий,
Среди испепеляющих страстей.
Священны были родина и мать.
Иудой не был, не был подлецом.
Так почему передо мной опять
Беды не дальней серое лицо?
И боль его горячечно остра –
Лицо моей измученной беды –
Как фреска сиротливого костра,
На вечные обронённая льды.

* * *

Раз не уснуть никак,
Пока не рассвело,
Попыхивай, табак,
Поскрипывай, перо.

Дымы – слоистый пласт,
Но первородно чист

Рисковеннейший наст —
Скрипучий белый лист.

Не выйти за порог,
Не оторвать лица —
Так тянет от листа
Тревожный холодок.

Ночь переходит в день,
И, схожа всё ж с земной,
Покачивается тень,
Бывающая мной.

Ан к лучшему, коль так,
И за окном бело —
Попыхивай, табак,
Поскрипывай, перо...

* * *

Филин ухал, как ухарь. И были его тяжелы
придыханья во мгле, западавшие в душу.
Ухал. Ночь рассекал на куски тишины,
как в базарных рядах разделявал тушу.

Серебристая мгла осыпала пыльцу,
иней ночь обрамлял своей рамой
хрустально-волшебной,
и струилась пыльца по ветвям,

по стволам, по лицу,
как живая вода или,
может быть, даже целебней.

Эта ночь-серебро,
эта дивная ночь-антрацит,
эта грань тьмы и света, и чудо такое...

Что ж ты ухаешь, птица,
когда тишины дефицит,
и мешаешь мерцать золотинке покоя?

ДЕРЕВЕНСКИЕ СТРОФЫ

Пять утра, и по деревне
в хлеве звякает посуда.
Восклицательные знаки
кнут пастуший ставит вслед,
потому что продолжает
жить и здравствовать покуда
целомудренный и грешный,
ненаглядный белый свет.

Пчёлы — нотные значки —
ссыпались в траву, и даже
кажется, как будто это
одного смычка грехи,
и остатки предрассветной
деревенской сонной блажи,
чтоб не просыпаться, на день
уползают в лопухи.

Это утро — сквозь безбожно, —
фантастичней арабески —
в озере ветла распята,
как измученный Христос:
и туман с ветлы озёрной
солнцем высушен до блеска,
в воздух ввинчены прозрачно
сто шурупчиков стрекоз.

От восхода до заката,
благо, что земля поката,
всё здесь движется делами —
поле, косогор, река...
Тянет сумрак с поля трактор —
припозднившийся работник,
чтобы гроздь звёзд крестьянских
виделись издадалека.

И видать в огнях тех поздних
то, что мелко, то, что вечно,
путь звезды, пути земные —
испокон веков сродни,
и дороге этой звёздной
равный — разве только Млечный,
и, насколько глаз хватает,
всё горят, горят они...

ВОСКРЕСНОЕ

Встань на лыжи — снегу сообщи
свойство ускользать из-под ноги,
свойство непонятное души
в пятки уходить и виражи.
На отвесных кручах различать,
как судьбы эскиз или печать.
Даль и блеск небесный отожми
В две тугих сверкающих лыжни,
вытяни простор в бегущий гул
меж флажков, горящих на снегу.

Встань на лыжи, ну хотя б затем,
чтобы в подтвержденье всех систем,
жажду старых истин утоля, —
убедиться: круглая земля!

ПЕРЕСЕЛИЛСЯ

Мне не надо красных дат,
Зло отпетых,
Есть квадратных у меня
Десять метров.
Всё устрою — печь, кровать,
Всю берлогу.
Есть где раны зализать —
Слава Богу!

* * *

Что изводит — не знаю:
Зыбкость, даль, силуэт?
То ли Пустынь какая?
Суета ли сует?
То ль безверье, то ль вера?
Или вместе они?
То ли сила примера,
То ль столетий огни?
Жест напомнит — бездонней
Нет — лишь руки воздень:

Зуд по центру ладоней,
Как следы от гвоздей...
Что изводит, узнать бы,
И дадут ли покой
Те осенние свадьбы,
Где разводы зимой...
Что изводит? Что лечит?
И чему — исполать,
Чтоб душе человеческой
Самосуществовать?
Всё слабей год от года
Слова искренний свет —
Собеседников много.
Сомолчальников нет!
Словно травы по маю,
Слов несметная рать.
Что изводит — не знаю,
И дано ли узнать...

ЭПИТАФИЯ

Я в мир пришёл. Никто меня не встретил.
Я сам зажёл, как мог, свою свечу.
Не всякому молчанье по плечу.
Это во-первых. Во вторых и третьих
И — в главных! — знал всегда, чем я плачу
За всю длину немых десятилетий.

Стихи подготовили
Эдуард УЧАРОВ
и Галина БУЛАТОВА

